

месмеризма, его влиянии на способность предчувствия, а также о Душе — главным «проводнике впечатления мира духовного на мир физический».⁶⁵

Анализ всех вышеперечисленных мотивов в эпистолярной и художественных текстах Гончарова позволяет заключить, что использование романтических клише не является чертой исключительно раннего творчества писателя, а потому не может считаться только следом одной из первых редакций текста, избежавшей авторской правки. Романтическое мировосприятие — органичная часть стиля Гончарова, характерная как для переписки, так и для его произведений: чаще всего реальные и художественные события разворачиваются параллельно, письма становятся творческими этюдами, где продолжается развитие отдельно взятого мотива или образа. Вместе с тем в гончаровской прозе и корреспонденции генерализован широкий романтический пласт, включающий достаточно редкие для русской литературы мотивы «магнетической любви» и «слез-проводников», что открывает новые возможности для историко-литературного комментария.

⁶⁵ Там же. С. 65.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-56-65

© Н. В. КАЛИНИНА

«А МУЖИКОВ ОТПУСТИТЬ НА ВОЛЮ...» (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К РОМАНУ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»)

Внутренняя хронология и исторический диапазон повествования в романах И. А. Гончарова — одна из тем, обсуждение которой началось еще при жизни писателя. Наиболее изученным в отношении хронологической организации прозы Гончарова по-прежнему остается роман «Обломов», о чем, подводя промежуточные итоги полемики, писала Т. Б. Ильинская: «Важность временных мотивов у Гончарова <...> отмечена еще в работах XIX века (например, у К. К. Арсеньева: «обилие ретроспективных взглядов» и у Д. С. Мережковского: «Поэзия прошлого»). Позже предпринимались попытки объяснить гончаровскую поэтику спецификой авторского переживания. <...> Роман „Обломов“ — наиболее исследованное в темпоральном аспекте произведение Гончарова, однако сложность временной организации этого шедевра порождает ряд проблем <...>. В „Обломове“ множество указаний на время <...> отсутствуют лишь даты, за исключением единственной в самом начале текста («Ведь сегодня первое мая...»). Гончароведы уже предпринимали попытки расставить в романе исторические вехи. <...> Вместе с тем эти попытки <...> представляются недостаточно убедительными. <...> Видимо, следует признать, что художественному миру Гончарова чужда историческая конкретика <...>. Более того, порой он насыщен анахронизмами, что особенно заметно в романе „Обрыв“, где „человек 40-х годов“ и „человек 60-х годов“ волею автора становятся почти ровесниками».¹

¹ Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов» (К истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3. С. 38–39.

Не углубляясь в непростую механику погружения читателя в художественное воссоздание исторического времени (наполняющего повествование не как хронологический ряд, а как множество рядов, в каждом из которых присутствует темпоральный протагонист в лице одного из персонажей), отметим, что сам Гончаров неоднократно маркировал отображенный в его творчестве исторический этап в границах дореформенной эпохи, объясняя это тем, что «истинное произведение искусства может изображать только устоявшуюся жизнь». «Старые люди, как старые порядки, доживают свой срок, — писал он в 1872 году, — новые пути еще не установились; все поглощено напряженным трудом и ожиданиями благих результатов, искусству не над чем остановиться пока. <...> Реформам всего 15, а иным — 10 лет от роду, — и только тогда, когда они установят жизнь, <...> явится уже другой крестьянин, не похожий на крепостного, другие чиновники и купцы, не прежние, а как их образует дух реформ, — и тогда явится и обильная жатва для будущих Тургеневых, Писемских и Островских. А до тех пор нельзя и обвинять нас, стариков, что мы изображаем только старую жизнь, как печатно упрекали меня».²

Вопреки этому обозначению (неоднократно повторенному писателем в автокомментаторских и эпистолярных текстах), размывание календарных признаков времени в пользу обобщающего образа эпохи в романе «Обрыв» спровоцировало в исследовательской литературе тенденцию к расширению временных границ действия. Так, например, с точки зрения С. К. Казаковой, «...в романе прослеживается влияние <...> исторического для России события — отмены крепостного права. Гончаров не говорит о реформе прямо — текст содержит косвенные детали, отмечающие перемены в жизни русской деревни за полтора десятилетия (первый и второй приезды Райского в Малиновку). <...> При этом нам не удалось выявить в тексте детали, которые бы однозначно относились к периоду до 1861-го и опровергали бы наше предположение».³

В качестве основного аргумента (не обратив должного внимания на богатство стилистической палитры писателя, использующего многообразные синонимические возможности русского языка) Казакова отмечает, что «в тексте романа крайне редко встречается слово „крепостной“ (всего семь раз)». Выпадение обширного семантического пласта с заменой нейтральной лексики «крепостной» на слова-синонимы («человек», «люди», «мужики», «дворян», «дворовая девка», «дворовый» — в значении: крепостной/крепостные) из поля зрения исследователя влечет за собой ничем не подкрепленный вывод о том, что «разговоры действующих лиц романа об освобождении крестьян относятся не к крепостным, а к «временнообязанным», в соответствии с чем «временной интервал основных событий романа» определяется как «лето/осень 1861 или 1862 года».⁴

Под «разговорами действующих лиц романа об освобождении крестьян» Казакова подразумевает стычки Бориса Павловича Райского (владельца Малиновки) с Татьяной Марковной Бережковой, глубоко убежденной, что «различия между „людьми“ и господами никогда и ничто не могло истребить».⁵ Они возникают дважды: в *день прибытия* Райского в поместье и в *день его отъезда* из Малиновки:

² Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 137–138.

³ Казакова С. К. Герои романа «Обрыв» на фоне экономической истории России // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 66, 67.

⁴ Там же. С. 67–68.

⁵ Роман «Обрыв» цит. по изд.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 63. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

Часть вторая, глава II

«Он зевнул широко, и когда очнулся от задумчивости, перед ним бабушка стоит со счетами, с прихода-расходной тетрадью, с деловым выражением в лице.

— Не устал ли ты с дороги? Может быть, уснуть хочешь: вон ты зеваешь? — спросила она, — тогда оставим до утра.

— Нет, бабушка, я только и делал, что спал! Это нервическая зевота. А вы напрасно беспокоитесь: я счетов смотреть не стану...

— Как не станешь? Зачем же ты приехал, как не принять имение, не потребовать отчета?..

— Какое имение! — небрежно сказал Райский.

— Какое имение: вот посмотри, сколько тяг, земли? <...>. Хочешь смотреть и принимать имение?

— Нет, бабушка, не хочу!

— Кто же будет смотреть за ним: я стара, мне не углядеть, не управиться. Я возьму да и брошу: что тогда будешь делать?..

<...> Не прикажешь ли отдать в чужие руки?

— Нет, пока у вас есть охота — посмотри-те, поживите.

— А когда умру?

— Тогда... оставить как есть.

— А мужики: пусть делают, что хотят?

Он кивнул головой.

— Я думал, что они и теперь делают, что хотят. Их отпустить бы на волю... — сказал он.

— На волю: около пятидесяти душ, на волю! — повторила она, — и даром, ничего с них не взять?

— Ничего!

— Чем же ты станешь жить?

— Они наймут у меня землю, будут платить мне что-нибудь.

— Что-нибудь: из милости, что вздумается! Ну, Борюшка! <...>

Она совала ему другие большие шнуровые тетради, но он устранил их рукой» (7, 160–164).

Часть пятая, глава XXIV

«На другой день, с раннего утра, весь дом поднялся на ноги — провожать гостя. Приехал и Тушин, приехали и молодые Викентьевы. <...> За завтраком никто ничего не ел <...>.

Татьяна Марковна пробовала заговаривать об имении, об отчете, до передачи Райским усадьбы сестрам, но он взглянул на нее такими усталыми глазами, что она отложила счета и отдала ему только хранившиеся у ней рублей шестьсот его денег. Он триста рублей при ней же отдал Василисе и Якову, чтоб они роздали дворне и поблагодарили ее за „дружбу, баловство и услужливость“.

— Много — урод! пропьют... — шептала Татьяна Марковна.

— Пусть их, бабушка, да отпустите их на волю...

— Рада бы: хоть сейчас со двора! Нам с Верой теперь вдвоем нужно девушку да человека. Да не пойдут! Куда они денутся? Избалованы, век — на готовом хлебе!

После завтрака все окружили Райского. Марфинька заливалась слезами: она смочила три-четыре платка. Вера оперлась ему рукой на плечо и глядела на него с томной улыбкой, Тушин серьезно. У Викентьева лицо дружески улыбалось ему, а по носу из глаз катилась слеза „с вишню“, как заметила Марфинька и стыдливо сняла ее своим платком.

Бабушка хмурилась, но крепилась, боясь расчувствоваться» (7, 766–767).

Кольцевая композиция в расположении эпизодов позволяет говорить о создании эффекта как бы «не прерывавшейся» на протяжении всего романа дискуссии, что многократно усиливает значимость заданной в них темы, но главный вопрос, возникающий у внимательного читателя по прочтении этих диалогов, заключается в другом. Насколько вообще после оглашения манифеста «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и публикации обязательного к исполнению

«Положения о крестьянах...» 19 февраля 1861 года уместны свободный выбор и личная инициатива со стороны Райского и ответные возражения Бережковой?

Еще в середине прошлого столетия крупный специалист по политической и социально-экономической истории России XIX века критиковал распространенное в науке мнение о том, что крестьянская реформа Александра II «была сконструирована заново в течение трех лет без всякой предварительной подготовки и без каких бы то ни было юридических предпосылок». ⁶ Ведь первые шаги по разработке правительственной программы отмены крепостного права были предприняты еще в царствование Александра I.

В ноябре 1802 года гр. С. П. Румянцев подал императору прошение о дозволении отпускать помещичьих крестьян на волю по взаимной договоренности заинтересованных сторон. ⁷ Ответом на ходатайство стал Высочайший указ Правительствующему сенату «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю...» 20 февраля 1803 года ⁸ (более известный как закон «О вольных хлебопашцах»), где впервые устанавливалось право на выход из крепостного состояния «с утверждением <...> земли в собственность».

На следующий день после Указа были опубликованы «Высочайше утвержденные правила» по его реализации, ⁹ которыми предусматривались два вида увольнения крестьян: 1. с выкупом личной свободы и приобретением земли единовременно или в рассрочку, 2. на условиях долгосрочной аренды, когда крестьяне, владея землей помещика, «обязуются на известное число лет, по жизнь его или и навсегда исправлять известные повинности». ¹⁰ В случае неуплаты или нарушения договорных обязательств они возвращались в прежнее крепостное состояние.

Указ «О вольных хлебопашцах» носил рекомендательный характер, что не способствовало его массовому применению среди поместных дворян, владевших $\frac{1}{3}$ населенных земель империи. По подсчетам В. И. Семевского, за годы правления Александра I в разряд вольных хлебопашцев поступило только 47 153 «души мужского пола», ¹¹ по данным В. И. Вешнякова (исследование которого вышло в 1858 году), за время действия указа с 1804 по 1857 год вольными хлебопашцами стали 151 895 крестьян. ¹²

После вступления на престол Николая I вопрос об «изыскании средств к улучшению состояния крестьян» не сходил с повестки до последних дней его жизни. Даже такой непримиримый враг царствующего дома, как князь-эмигрант П. В. Долгоруков, на страницах своих близких к памфлету мемуаров должен был признать, что «император Николай всегда думал об освобождении

⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М., 1958. Т. 2. Реализация и последствия реформы. С. 551.

⁷ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. 1: Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой четверти XIX века. СПб., 1888. С. 252–253.

⁸ Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года: 1-е собр. [С 1649 по 12 декабря 1825]: В 45 т. СПб., 1830. Т. 27. № 20620.

⁹ Там же. № 20625.

¹⁰ Там же.

¹¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. 1. С. 266; см. также: Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. С. 57–68; Долгих А. Н. Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при Александре I // Отечественная история. 2008. № 5. С. 51–65; Тимофеев Д. В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1177–1194.

¹² Вешняков В. И. Крестьяне-собственники в России: Историко-статистический очерк. СПб., 1858. С. 61.

крестьян»,¹³ и пересказал одну из версий легенды о напутствии царя наследнику: «Александр Николаевич, будучи великим князем, был поборником крепостного состояния. Николай на смертном одре сказал своему преемнику: „У меня всегда были две мысли, два желания, и я ни одного из них не мог исполнить. Первое: освободить восточных христиан из-под турецкого ига; второе: освободить русских крестьян из-под власти помещиков. Теперь война, и война тяжелая; об освобождении восточных христиан думать нечего, но, по крайней мере, обещаю мне освободить русских крепостных людей“. Александр II обещал...».¹⁴

В годы правления Николая взгляды на решение этой проблемы сводились к юридическому ограничению вотчинных прав помещиков (с предоставлением личной свободы крестьянам, но с сохранением дворянского землевладения), регламентации крестьянских повинностей (с поэтапной заменой подушной подати на поземельную) и усилению административного контроля за исполнением принятых законов. По мнению большинства, данных мер было достаточно, чтобы запустить процесс постепенного упразднения крепостных отношений.

Ведущая роль в обсуждении возможных моделей выхода из крепостного состояния принадлежала П. Д. Киселеву, который в течение всего николаевского царствования был главным советником императора по крестьянскому вопросу, а преобразовательным инструментом — временные межведомственные комитеты (высшие государственные учреждения, работа которых носила подготовительный и строго засекреченный характер). Обойдя вниманием комитеты 1826-го и 1835 года, чья деятельность «не привела ни к каким законодательным мерам по крестьянскому вопросу»,¹⁵ остановимся подробнее на том, какие задачи решались учрежденным 16 ноября 1839 года комитетом «О пересмотре закона об увольнении в свободные хлебопашцы».

В состав комитета вошли председатель Государственного совета и Комитета министров кн. И. В. Васильчиков, министр юстиции Д. Н. Блудов, министр государственных имуществ П. Д. Киселев, управляющий Министерством внутренних дел гр. А. Г. Строганов, глава I-го Отделения Собственной е. и. в. канцелярии А. С. Танеев, члены Государственного совета гр. А. Ф. Орлов и П. А. Тучков, а также чиновник I-го Отделения В. Я. Ханьков.¹⁶ Инициатором создания комитета и автором проекта, легшего в основу его программы, являлся Киселев. Новый законопроект опирался на следующие положения: «Помещики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставляют крестьянам личную свободу и, отделив им определенную пропорцию земель, пользуются, взамен того, соразмерными от них повинностями, или оброком, по особому для каждого имения инвентарю. *Мера сия есть общая по всему государству и не зависящая от воли помещиков*».¹⁷ Несмотря на предварительное одобрение «Записки» Киселева Николаем I,¹⁸ проект под

¹³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта: 1860–1867. М., 1992. С. 377 (сер. «Голоса истории»).

¹⁴ Там же. С. 347; по свидетельству А. Ф. Тютчевой (Аксаковой), присутствовавшей при кончине Николая I, последними его словами наследнику была фраза «Держи всё — держи всё», сопровождавшаяся «энергичным жестом руки, обозначающим, что держать нужно крепко» (Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002. С. 128).

¹⁵ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. 2. С. 29.

¹⁶ Подробнее см.: Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 116.

¹⁷ Корф М. А. Император Николай в совещательных собраниях (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 106 (курсив мой. — Н. К.).

¹⁸ Резолюция, записанная рукой царя 19 марта 1841 года, гласила: «Читал с особенным вниманием и полным удовольствием; начала, на коих основан проект, мне кажутся весьма спра-

давлением консервативной части комитета подвергся кардинальной переработке.

Кроме принципиальной оппозиции в лице Меншикова и Ханыкова, подспудным осложнением для благополучного прохождения «Записки» послужила «утечка информации». «Комитет и занятия его велено было содержать в глубочайшей тайне и, чтобы отклонить все подозрения и догадки, ему дали даже вымышленное название „Комитета для уравниения земских повинностей в западных губерниях“ <...>, — вспоминал М. А. Корф, — Какой-нибудь месяц секрет действительно сохранялся, <...> потом в городе заговорили втихомолку, что готовится какое-то важное преобразование в отношениях между помещиками и крестьянами; наконец разнеслась — гласно уже и во всех сословиях, — молва, тотчас долетевшая и до провинции, что готовятся — *дать крепостным людям вольность*. Разумеется, что при незнании подробностей и даже основной мысли правительства <...>, тревожная молва не оставила учредить и увеличить все *по-своему* и напоследок решила, что для обнародования вольности назначается 16-е апреля 1841 года — день предстоявшего тогда бракосочетания государя наследника».¹⁹ Среди простых людей поползли слухи, что в этот день «после венчального обряда государь станет бросать с дворцового балкона билеты, в которых объявится вольность».²⁰

В результате долговременных дебатов (продолжившихся в Государственном совете) личное освобождение крестьян было отвергнуто. Вышедший 2 апреля 1842 года Высочайший указ «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян»²¹ не отменял, а только ограничивал исконную феодальную зависимость, при этом закон был лишен обязательной силы, оставляя исполнение указа на «добрую волю» помещиков. По словам В. О. Ключевского, «ему дана была такая редакция, которая почти уничтожила его действие. К тому же на другой день по издании закона последовал циркуляр министра, которым тогда был Перовский; этот циркуляр и раздал закон; в нем было подтверждено с ударением, что права дворян на крепостных крестьян остаются неприкосновенными, что они не потерпят ущерба в этих правах, если в силу закона не пойдут на сделки с крестьянами».²²

Содержание указа «Об обязанных крестьянах» было сформулировано в самых общих чертах, что отражало, по желанию царя, «одни главные начала и указания».²³ Предполагалось, что окончательная регламентация отношений между землевладельцами и крестьянами будет достигнута в ходе взаимных уступок и компромиссов при заключении договоров, так как «при желании помещиков воспользоваться действием указа представляемые от них проекты условий, на местностях и на различных родах хозяйства основанные <...>, по практическим данным укажут, что нужно и можно будет сделать

ведливы и основательны. Я не нашел сделать ни одного замечания и разрешаю внести в комитет» (Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II: В 4 т. СПб., 1882. Т. 2. С. 244).

¹⁹ Корф М. А. Император Николай в совещательных собраниях. С. 107–108.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Полн. собр. законов Российской империи: 2-е собр. [С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881]: В 55 т. СПб., 1843. Т. 17. Ч. 1. № 15462.

²² Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. Лекция LXXXV // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 253.

²³ Протокол речи Николая I в Государственном совете от 30 марта 1842 г. // Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 256.

в подробностях и что теперь, при всей осторожности и предусмотрительности, легко могло бы быть упущено».²⁴

На деле, при столкновении с жизнью закон обнаружил полную бесплодность. По подсчетам Н. И. Сергеевой, за время действия указа им воспользовались всего пять помещиков, уволивших в обязанные 26 937 крепостных крестьян.²⁵ Поместное дворянство не откликнулось на законодательную инициативу правительства.

Одной из попыток добиться обратной связи с подданными стал высочайший прием дворянской делегации от Смоленской губернии — полковника М. Л. Фантона-де-Веррайона и генерал-майора А. И. Шембеля — по случаю принесения благодарности монарху «за дарованные дворянству права и преимущества» 17 мая 1847 года.²⁶ Целью аудиенции было желание еще раз привлечь внимание помещиков к лежащему без движения указу 1842 года и вернуть обсуждение вопроса о мерах по скорейшему переводу крепостных людей в статус обязанных крестьян в практическое русло.

Живой отклик на это событие содержится в письме В. Г. Белинского к П. В. Анненкову. «...В правительстве нашем происходит большое движение по вопросу об уничтожении крепостного права. Государь император вновь и с большею против прежнего энергиею изъявил свою решительную волю касательно этого великого вопроса, — писал Белинский 1–10 декабря 1847 года. — Разумеется, тем более решительной воли и искусства обнаружили окружающие его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю от этого крайне неприятного им предмета. Искренно разделяет желание государя императора только один Киселев; самый решительный и, к несчастью, самый умный и знающий дело противник этой мысли — Меншиков».²⁷

Дальнейший комментарий критика свидетельствовал о его глубоком интересе к крестьянскому законодательству и немалой осведомленности в развитии ситуации: «Вы помните, что несколько назад тому лет движение тульского дворянства в пользу этого вопроса было остановлено правительством с высокомерным презрением. <...> Теперь вдруг смоленским депутатам велено явиться в Питер. Государь император милостиво принял их, говорил, что он всегда был доволен смоленским дворянством и пр. И потом вдруг перешел к следующей речи. — Теперь я буду говорить с вами не как государь, а как первый дворянин империи. Земля принадлежит нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели ее нашею кровью, пролитую за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиною, что у нас

²⁴ Там же. С. 256–257. В заключение речи император счел необходимым «поставить с приговором на вид Совету» широкое распространение в народе слухов «о сем деле», источник чего заключался «в неуместных разглашениях со стороны лиц, облеченных высочайшим доверием и обязанных к хранению государственной тайны», и пригрозил, что в случае повторения утечек «виновные будут судимы по строгости законов, как за преступление государственное» (Там же. С. 257–258).

²⁵ Сергеева Н. И. Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с Указом от 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Горький, 1966. Вып. 78. Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. С. 31.

²⁶ Подробнее об этом см.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России ... Т. 2. С. 162–164; а также: Майнов В. Н. Смоленские дворяне и обязанные крестьяне: 1846–1849 / Сообщ. И. В. Майнов // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 910–939; Горская Н. И. Смоленское дворянство против правительства: Из истории отмены крепостного права в России // Российская история. 2023. № 1. С. 71–83.

²⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. Письма 1829–1848 годов. С. 685–686.

нет торговли, промышленности. — Затем он сказал им, чтобы они ехали в свою губернию и, держа это в секрете, побудили бы смоленское дворянство к совещаниям о мерах, как приступить к делу. <...> Через несколько времени по возвращении депутатов в их губернию Перовский получил от смоленского губернатора донесение, что двое из дворян смущают губернию, распространяя гибельные либеральные мысли. Государь император приказал Перовскому ответить губернатору, что в случае бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобы до тех пор он молчал и не в свое дело не мешался. Я забыл сказать, в речи своей депутатам государь император сказал, что он уже намекал (указом об обязанных крестьянах) на необходимость освобождения, да этого не поняли».²⁸

Разделяя опасения власти по поводу беспорядков среди крестьян, Белинский затрагивал также тему об инвентаризации земельных владений и распределении их по категориям доходности, как необоснованно забытых мер преобразования. Опорой для более продуктивной разработки комплекса правительственных мероприятий по крестьянскому делу могло и должно было стать широкое, а не «келейное» обсуждение социально-экономических проблем: «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение. Все, что делается в Питере, доходит до их разумения в смешных и уродливых формах, но в сущности очень верно. Они убеждены, что царь хочет, а господа не хотят. Обманутое ожидание ведет к решениям отчаянным. Перовский думал предупредить необходимость освобождения крестьян мудрыми распоряжениями, которые юридически определили бы патриархальные по их сущности отношения господ к крестьянам и обуздали бы произвол первых, не ослабив повиновения вторых <...>! Попытку свою начал он с Белоруссии возобновлением уже забытого там со времен присоединения Литвы к России *инвентария*. Поляки и жиды растолковали мужикам, что инвентарий значит то, что царь хочет их освободить, а господа не хотят, и что царь, бывши в Киеве, хотел к ним заехать, а господа не пустили его. <...> Так вот-с, мой дражайший, и у нас не без новостей и даже не без признаков жизни. Движение это отразилось, хотя и робко, и в литературе. Проскальзывают там и сям то статьи, то статейки, очень осторожные и умеренные по тону, но понятные по содержанию. Вы, верно, уже получили статью Заблоцкого».²⁹ В другое время нельзя было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла. Мало этого: недавно в „Журнале Министерства народного просвещения“ ее разбирали с похвалою и выписали место о зле *обязательной ренты*. Помещики наши проснулись и затолкали. Видно по всему, что патриархально-сонный быт весь изжит и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь „Земледельческая газета“ — орган мнений помещиков. Толкуют о съездах помещиков и т. д. Обо всем этом Вам дадут понятие XI и особенно XII №№ „Современника“ („Смесь“)».³⁰

По мнению комментаторов письма Белинского, подробные сведения о секретных действиях правительства (вплоть до информированности о деталях тайной аудиенции во дворце) были получены от А. П. Заблоцкого-Десятовского, являвшегося в период подготовки указа «Об обязанных крестьянах» ближайшим сотрудником Киселева.³¹

²⁸ Там же. С. 686–687.

²⁹ Имеется в виду резонансная статья А. П. Заблоцкого-Десятовского «Причины повышения цен на хлеб в России». В ней проводилась мысль о том, что одной из главных причин чрезвычайного понижения цен на хлеб в России служит даровой для землевладельцев труд, обусловленный крепостной зависимостью, наименование которой скрывалось под термином «обязательная рента» (Отечественные записки. 1847. № 5. Отд. IV. С. 1–36; № 6. Отд. IV. С. 31–66).

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 688.

³¹ Там же. С. 825.

Датой знакомства с Белинским (в марте 1846 года) как своеобразной точкой отсчета собственной литературной судьбы открывалась «Необыкновенная история» Гончарова.³² Первый роман начинающего писателя появился в «Современнике» благодаря его рекомендации (1847. № 3–4) и, по словам самого Белинского, имел «небывалый успех».³³ Гончаров регулярно посещал сформировавшийся около критика «кружок», где «хотя втихомолку, но говорили обо всем, как говорят и теперь, либерально, бранили крутые меры».³⁴

«Белинский увлекался всем новым, когда в этом новом была искра чего-нибудь умного, светлого, идея добра, правды — и не скрывал конечно этого от нас... — вспоминал он. — Его — то есть всех, значит, посещавших Белинского, слушало правительство и знало, конечно, каждого. Я разделял во многом образ мыслей относительно, например, свободы крестьян, лучших мер к просвещению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений для развития и т. д. <...> мне лучше и ближе видно было <...> *как* мысли о свободе проводились здесь и в Москве Белинским, Герценом, Грановским и всеми литературными силами совокупно, проникали через журналы в общество, в массу, *как* расходились и развивались эти добрые семена и издали-ка приготавлили почву для реформы, то есть *как* литература с своей стороны облегчила для власти совершение первой великой реформы: освобождение крестьян, приготовив умы, пристыдив крепостников, распространив понятия о правах человека и т. п.»³⁵

Знакомство с Заблоцким-Десятовским произошло еще раньше, в середине 1830-х годов в доме Н. А. и Евг. П. Майковых, где писатель «с большим успехом преподавал <...> литературу и латинский язык»³⁶ их старшим сыновьям Валериану и Аполлону. Н. К. Пиксанов считал, что на момент публикации «Обыкновенной истории» «Гончаров пришел в редакционный круг „Современника“ не один, а вместе с <Вал.> Майковым и Заблоцким».³⁷

Встречаясь с Белинским в «кружке», в редакции «Современника», у М. А. Языкова или Н. Н. Тютчева, романист был втянут в беседы и споры, оказавшие влияние на его общественные взгляды и интересы. В «Заметках о личности Белинского» он рассказывал, например, о парадоксальных словах, «не раз слышанных мною от него», что «бог дал человеку быть творцом только в искусстве». Или вспоминал о кажущейся спонтанности и даже импульсивности при выборе тем разговора: «...придешь, бывало, а он вдруг заговорит, по-видимому, ни с того ни с сего (а, конечно, вследствие кипевшей в нем внутренней работы) о каком-нибудь, как помню однажды, например, „Прометее“ Гете: и в эту минуту уже ничего выше этого Прометея не было! Или вдруг нападёт на какой-нибудь авторитет, которому все привыкли слепо поклоняться, — и низвергнет его. Не то так возьмет текущую новость, какую административную меру, — и пользуются потоки речей, полные тонкого анализа, метких определений, горячих осуждений. Особенно цензура подавала пищу его словесной критике. Чего тут не было!»³⁸ Многое из услышан-

³² Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 195.

³³ См. его письмо к В. П. Боткину от 15–17 марта 1847 года (Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 634).

³⁴ Гончаров И. А. Необыкновенная история. С. 258.

³⁵ Там же. С. 258–259.

³⁶ Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филологических наук. 1941. № 76. Вып. 11. С. 59.

³⁷ Там же. С. 66.

³⁸ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 47–48.

ного, в том числе отрицание крепостных порядков, отразилось затем на страницах его романов.³⁹

Думается, что в блестящих словесных импровизациях Белинского затрагивались и законодательные решения по ключевым проблемам внутренней политики начала 1840-х годов, и «административные меры», принятые по крестьянскому вопросу во второй половине десятилетия.

Исходя из сказанного, можно считать, что пожелание Райского отпустить мужиков «на волю» относилось к правовым установлениям, регулирующим отношения между помещиком и его крестьянами в соответствии с указом 1842 года. И речь в диалогах с бабушкой шла не о выкупе личной свободы с приобретением земельной собственности, а о переводе в состояние «обязанных» крестьян и долгосрочной аренде надела.⁴⁰ Подтверждением тому служат слова самого героя: «Они наймут у меня землю, будут платить мне что-нибудь» (7, 163).

³⁹ Подробнее об этом см.: Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968. С. 103–113.

⁴⁰ Ср. с рассказанной в очерке «Матвей» историей персонажа, на протяжении многих лет стремившегося выкупиться из крепостного состояния; прототипом этого героя из цикла «Слуги старого века» стал некий Филипп, служивший у Гончарова в период проживания писателя в доме Шамшева на Литейном проспекте (№ 52) с 1837 по 1852 год.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-65-74

© О. В. МАКАРЕВИЧ

КОНТЕКСТЫ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ («POUR ET CONTRE» И. А. ГОНЧАРОВА)

Под заглавием «Pour et contre» известен отрывок, отправленный И. А. Гончаровым Елизавете Васильевне Толстой (1827–1877) в числе прочей корреспонденции, адресованной писателем возлюбленной после ее отъезда в Москву в октябре 1855 года. В исследовательской литературе он нередко называется «исповедью любви».¹ Напомним, что впервые Гончаров и Толстая встретились в доме Майковых еще в 1843 году, а затем лишь 12 лет спустя, в 1855-м, и недавно вернувшийся из продолжительного морского похода писатель был покорен «ее чарующей красотой, добрым сердцем, тонким женским умом».² Толстая показалась писателю искомым идеалом женщины: «...ей дано все, чтобы быть единственной из числа немногих — возвышенностью характера, чистотой сердца, прямоотой и достоинством» (XII, 223).³ Светская красавица не отвечала ему взаимностью — а в январе 1857 года Толстая вышла замуж за своего кузена А. И. Мусина-Пушкина.

¹ Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1962. С. 116.

² Демиховская О. А. «Послегончаровская» судьба Е. В. Толстой // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 311.

³ Здесь и далее ссылки на публикацию писем Гончарова к Толстой: Письма И. А. Гончарова к Е. В. Толстой / Публ. П. Н. Сакулина // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 215–235; № 12. С. 222–251 — приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера журнала римскими и страницы арабскими цифрами.

5. *Goncharov I. A. Pis'ma k I. I. L'khovskomu (1857–1860)* / Publ. A. I. Gruzdeva // Literaturnyi arkhiv. L., 1951. T. 3.
6. *Goncharov I. A. Pis'ma k S. A. Nikitenko* / Publ. L. S. Geiro // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god*. L., 1978.
7. *Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2017. T. 1, 6, 15.*
8. *Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.*
9. *Grech N. I. Chernaia zhenshchina. M., 2020 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).*
10. *Grodetskaia A. G. Magneticheskii seans v «Oblomove» (k probleme istoricheskogo vremeni v romane)* // *Art Logos*. 2018. № 2 (4).
11. *Grodetskaia A. G. Proza I. A. Goncharova: 1830–1860-e (biografika, kontekst, poetika). Dis. ... doktora filol. nauk. SPb., 2016.*
12. *Grodetskaia A. G. Reministsentsii «Novoi Eloizy» v final'nykh glavakh «Oblomova» i «Chto delat'?» (eshche o «toske» Ol'gi Il'inskoi v «krymskoi» glave romana Goncharova)* // *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaviia. Voronezh, 2012–2013. Vyp. 31.*
13. *Grombakh S. M. Pushkin i meditsina ego vremeni. M., 1989.*
14. *Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.*
15. *Lermontov M. Iu. Sobr. soch.: V 4 t. L., 1981. T. 4.*
16. *Loshchits Iu. M. Slushanie zemli. M., 1988.*
17. *Mann Iu. V. Dinamika russkogo romantizma. M., 1995.*
18. *Mesmer F. Doklad ob otkrytii zhivotnogo magnetizma* // *Psikhicheskaiia energiiia*. 2014. № 1.
19. *Nedzvetskii V. A. Epistoliarnyi zhanr v tvorchestve i v zhizni Goncharova* // *Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2017. T. 15.*
20. *Otradin M. V. «Na poroge kak by dvojnogo bytiia...»: O tvorchestve I. A. Goncharova i ego sovremennikov. SPb., 2012.*
21. *Prutskov N. A. Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L., 1962.*
22. *Senkovskii O. I. Soch. barona Brambeusa / Sost., vstup. stat'ia i prim. V. A. Kosheleva, A. E. Novikova. M., 1989.*
23. *Smolitskaia O. V. Kurtuaznaia liubov' // Slovar' slovesnoi kul'tury. M., 2003.*
24. *Somov O. M. Byli i nebylitsy. M., 1984.*
25. *Tseitlin A. G. I. A. Goncharov. M., 1950.*
26. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1981. T. 8.*
27. *Zapiska F. N. Glinki o magnetizme / Publ. V. M. Bokovoi // Rossiiskii arkhiv: Istoriia otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. M., 2001. [T. XI].*

Надежда Викторовна Калинина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Viktorovna Kalinina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9084-5191

hope.kalinina@gmail.com

«А МУЖИКОВ ОТПУСТИТЬ НА ВОЛЮ...» (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К РОМАНУ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»)

«AND LIBERATE THE MUZHIKS...» (A COMMENTATOR'S NOTES ON I. A. GONCHAROV'S NOVEL *THE PRECIPICE*)

Внутренняя хронология и темпоральный контекст художественной прозы И. А. Гончарова рассмотрены как один из приемов создания композиционной завершенности в романе «Обрыв». Художественное время произведения реконструируется посредством сопоставления временных моделей персонажей в точке пересечения с социально-историческими маркерами повествования. Особое внимание уделено указу «Об обязанных крестьянах» 1842 года.

Ключевые слова: роман «Обрыв», крестьянское законодательство XIX века, образ времени, историзм.

The article considers the internal chronology and temporal context of I. A. Goncharov's prose works as one of the approaches to achieving the compositional unity of his novel *The Precipice*. The fictional time of the novel is reconstructed by comparing the temporal modes of the characters at the crossing points with the socio-historical markers of the narrative. A particular attention is paid to the Decree on Entailed Peasants (1842).

Key words: *The Precipice* novel, 19th century peasantry legislation, temporal images, historicism.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. Письма 1829–1848 годов.
2. Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
3. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7.
4. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
5. Горская Н. И. Смоленское дворянство против правительства: Из истории отмены крепостного права в России // Российская история. 2023. № 1.
6. Долгих А. Н. Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при Александре I // Отечественная история. 2008. № 5.
7. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта: 1860–1867. М., 1992 (сер. «Голоса истории»).
8. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М., 1958. Т. 2. Реализация и последствия реформы.
9. Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов» (К истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3.
10. Казакова С. К. Герои романа «Обрыв» на фоне экономической истории России // Вопросы литературы. 2015. № 6.
11. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. Лекция LXXXV // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5.
12. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.
13. Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филологических наук. 1941. № 76. Вып. 11.
14. Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968.
15. Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX – начала XX века. Л., 1983.
16. Сергеева Н. И. Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с Указом от 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Горький, 1965. Вып. 78. Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке.
17. Тимофеев Д. В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. История. 2019. Т. 64. Вып. 4.
18. Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002.

References

1. Belinskii V. G. Sobr. soch.: V 9 t. M., 1982. T. 9. Pis'ma 1829–1848 godov.
2. Dolgikh A. N. Zakonodatel'stvo o vol'nykh khleboapashtsakh i ego razvitie pri Aleksandre I // Otechestvennaia istoriia. 2008. № 5.
3. Dolgorukov P. V. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta: 1860–1867. M., 1992 (ser. «Golosa istorii»).
4. Druzhinin N. M. Gosudarstvennye krest'iane i reforma P. D. Kiseleva: V 2 t. M., 1958. T. 2. Realizatsiia i posledstviia reformy.
5. Goncharov I. A. Neobyknovennaia istoriia (Istinnye sobytiia) // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.
6. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2004. T. 7.
7. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.
8. Gorskaia N. I. Smolenskoe dvorianstvo protiv pravitel'stva: Iz istorii otmeny krepstnogo prava v Rossii // Rossiiskaia istoriia. 2023. № 1.

9. *Il'inskaia T. B.* Kategorii vremeni v romane «Oblomov» (K istorii voprosa) // Russkaia literatura. 2002. № 3.
10. *Kazakova S. K.* Geroi romana «Obryv» na fone ekonomicheskoi istorii Rossii // Voprosy literatury. 2015. № 6.
11. *Kliuchevskii V. O.* Kurs russkoi istorii. Ch. V. Lektsiia LXXXV // Kliuchevskii V. O. Soch.: V 9 t. M., 1989. T. 5.
12. *Mironenko S. V.* Stranitsy тайной истории самодержавия. Politicheskaya istoriya Rossii pervoi poloviny XIX stoletiya. M., 1990.
13. *Piksanov N. K.* Belinskii v bor'be za Goncharova // Uchen. zap. Leningradskogo un-ta. Ser. filologicheskikh nauk. 1941. № 76. Vyp. 11.
14. *Piksanov N. K.* Roman Goncharova «Obryv» v svete sotsial'noi istorii. L., 1968.
15. *Sergeeva N. I.* Analiz kolichestvennykh pokazatelei deistviia Ukaza o svobodnykh khlebopashtsakh // Voprosy istorii Rossii XIX – nachala XX veka. L., 1983.
16. *Sergeeva N. I.* Bor'ba vokrug voprosa o likvidatsii krepostnogo prava v sviazi s Ukazom ot 2 aprelya 1842 goda ob obiazannykh krest'ianakh // Uchen. zap. Gor'kovskogo gos. un-ta. Gor'kii, 1965. Vyp. 78. Iz istorii obshchestvennogo dvizheniya i obshchestvennoi mysli v Rossii v XIX veke.
17. *Timofeev D. V.* Praktika osvobozhdeniya krest'ian v vol'nye khlebopashtsy v tsarstvovanie Aleksandra I // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Istoriya. 2019. T. 64. Vyp. 4.
18. *Tiutcheva A. F.* Vospominaniya. M., 2002.

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

КОНТЕКСТЫ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ («POUR ET CONTRE» И. А. ГОНЧАРОВА)

CONTEXTS OF A CONFESSIONAL LETTER (POUR ET CONTRE BY I. A. GONCHAROV)

Отправленная И. А. Гончаровым Е. В. Толстой «глава романа» под заглавием «Pour et contre» традиционно рассматривается в эдиционной и исследовательской практике как одно из писем. Однако, несмотря на свойственную ему автобиографичность, текст следует принципам художественной условности, что отражается в его жанровых, композиционных и стилистических особенностях.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Е. В. Толстая, «Pour et contre», корреспонденция.

The «chapter from the novel» sent by I. A. Goncharov to E. V. Tolstaya under the title *Pour et Contre* is traditionally considered in publishing and research as one of his letters. However, despite its inherent autobiographical features, the text follows the principles of artistic convention, which is reflected in its genre, compositional and stylistic features.

Key words: I. A. Goncharov, E. V. Tolstaya, *Pour et Contre*, correspondence.

Список литературы

1. *Алексеев М. П.* Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 6.
3. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9.
4. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6, 7, 9.